

Трибуна Молодого Ученого

КАВКАЗ В АМЕРИКАНСКОЙ ПАРАДИГМЕ БОЛЬШОГО БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

М.А. Сучков
(Россия, г. Пятигорск)

Принимая во внимание колоссальную значимость Ближнего и Среднего Востока в мировой политике и повышенное внимание к нему со стороны США, данная работа посвящена изучению американского подхода (и его императивов) к определению параметров рассматриваемого региона. Основной акцент исследования направлен на определение места Кавказа в так называемом «ближневосточном проекте». Помимо этого, в статье анализируются внешнеполитический инструментарий и ряд важных инициатив Вашингтона, призванных содействовать реализации этого проекта, а также отношения США с Грузией и Азербайджаном в этом контексте.

Taking into account an overriding significance of the Greater Middle East in the world politics and special attention to it on the part of the United States, the present paper studies an American approach (and its imperatives) to defining parameters of the examined region. The major focus of the research is aimed at identifying the role of the South Caucasus in what came to be known as “The Greater Middle East Project”. Besides, the article analyzes some foreign policy tools and initiatives of Washington targeted at the implementation of the project. It also scrutinizes the U.S. – Georgia and the U.S. – Azerbaijan relations in this context.

Ключевые слова: Соединенные Штаты, Большой (Великий) Ближний и Средний Восток, Южный Кавказ, конструирование региона, геостратегический проект, «точки опоры».

Key words: The United States, the Greater Middle East, the South Caucasus, region framing geostrategic project, “footholds”.

В ситуации, когда Соединенные Штаты проводят ряд серьезных внешнеполитических инициатив на Ближнем Востоке, Вашингтон занят интенсивным поиском новых опорных пунктов в регионе для полномасштабного контроля над ним. В этой связи представляется интересным проследить новейшие американские подходы к определению географических параметров данного региона, позволяющие, в определенной мере, выявить некоторые политические мотивы американской внешнеполитической стратегии.

Государственный Департамент США – официальное дипломатическое ведомство страны – включают в регион такие сегменты, как северная Африка (Марокко, Алжир, Тунис, Ливия и Египет), так называемый Левант – страны восточной части Средиземноморья – Сирия, Ливан, Палестина, Израиль, Иордания (за исключением Турции, поскольку она является членом НАТО) и государства Персидского залива [1, с. 3]. Пентагон базируется на ином критерии при «прочтении» данного региона. В основе подхода к определению Ближнего и Среднего Востока оборонного ведомства США лежит зона ответственности USCENTCOM – Центрального командования, отвечающего за ход операций на обширном пространстве от Египта и стран африканского «рога» до Пакистана и Афганистана. Важным для нашего исследования является тот факт, что в числе государств, не входящих в сферу ответственности UNCENTCOM, но относимых к региону Большого Среднего Востока, находятся 3 государства Южного Кавказа – Грузия, Армения, Азербайджан.

В этой связи стоит сказать о географическом (а, по сути, геостратегическом) проекте «Великого Ближнего (Среднего) Востока» (Greater Middle East), который

включает не только арабский мир, хотя, прежде всего, нацелен на него – но и более широкий сегмент евразийского континента – Турцию, Афганистан и Пакистан (географически относящийся все же к Южной Азии), а также государства, имеющие выход к Каспийскому бассейну и уже упомянутые государства Южного Кавказа.

Данный проект, фигурирующий в экспертных и политических кругах под различными названиями – от Нового Ближнего Востока до Великого Ближнего и Среднего Востока – (речь, по сути, идет об одном и том же) считают совместным продуктом ряда политиков (в проекте, прежде всего, сильны позиции неоконков) и экспертов, связанных с одним из авторитетных аналитических центров США «Проект для нового американского века» (Project for New American Century), основной целью деятельности которого было содействие установлению американского лидерства посредством, если потребуется, применения военной силы.

Стоит, однако, отметить, что до сих пор данная инициатива не была (и вряд ли будет) широко афишироваться – подобные проекты, как правило, лучше реализовывать, не вызывая излишнего антагонизма со стороны правящих режимов, местного населения, среди которого и без того сильны антиамериканские настроения, и с тем, чтобы не дать экстремистским группам дополнительных аргументов в подпитку своей идеологии и возможности на этих настроениях сыграть. США не заинтересованы в формировании на Ближнем и Среднем Востоке единого политического пространства, то есть, в фактической консолидации этого региона. Не в интересах Вашингтона и становление мощных региональных игроков, потенциально способных бросить вызов американской гегемонии в регионе. В связи с этим, США стремятся максимально его фрагментировать, с тем, чтобы, впоследствии играя на противоречиях местных акторов, обеспечить свое присутствие и влияние здесь.

Не предается огласке и тот факт, что Кавказ в геостратегических планах США также является частью «конструктора» Великого Ближнего и Среднего Востока. Однако тот факт, что данный регион в этом контексте находится в зоне внимания американских внешнеполитических стратегов, подтверждается не только всей системой ходов Вашингтона, но и периодически появляющейся информацией, подтверждающей намерение США найти стабильную для себя здесь «точку опоры». Показательным, как для первого, так и для второго доводов, является план военного стратега Ральфа Петерса “Blood Borders: How a Better Middle East Would Look”. Статья, вызвавшая большой резонанс в экспертных кругах, не была, тем не менее, серьезно воспринята многими в качестве реального сценария развития событий, хотя последние действия США в регионе (в частности войны в Ираке и Афганистане) дают основания рассуждать о том, что подобный вариант вполне возможен, пусть и частично [2].

Определив курс на конструирование данного региона, «архитекторы» проекта (а в то время это были некоторые высокопоставленные неоконки администрации Дж. Буша-мл.) занялись выработкой соответствующего политического дискурса и, что еще более важно, институциональным оформлением «Нового (Большого) Ближнего Востока». За точку отсчета здесь иногда берут известное выступление Дж. Буша мл. «Свобода в Ираке и на Ближнем Востоке» в ноябре 2003 г., в котором он заявил об инициировании «перспективной стратегии достижения свободы на Ближнем Востоке и в Северной Африке». В этом направлении ставка была сделана на развитие «очагов демократии, масштабное развитие сети неправительственных организаций (читай, GONGO – “Government owned non-governmental organizations”), посредством налаживания транснациональных контактов, в обход местных правительств [3, с. 73–75].

Интересно отметить, что контуры географического региона «Нового (Великого) Ближнего Востока», который США хотели бы перестроить в соответствии со своими интересами в Евразии, почти полностью совпадают с контурами евразийских Балкан, о которых задолго до «ближневосточного проекта» писал Бжезинский, как зоны мировой нестабильности [4, с. 70]. Возможно предположить, что американскими стратегами поставлена цель по превращению массивного региона «мировой нестабильно-

сти» – «евразийские Балканы» – в перекроенный сообразно их прочтению, целям и доктрине Ближний и Средний Восток.

О ресурсной значимости Ближнего Востока для мировой экономики написано и сказано довольно много, в связи с чем мы не видим необходимости дополнительно освящать данную тему в рамках настоящей работы и предлагать известные аргументы в пользу американского «переформатирования» рассматриваемого региона с этого ракурса. Вопрос, скорее, заключается в том, только ли полномасштабный доступ к нефтегазовым ресурсам является основным мотивом настолько грандиозного проекта?

При всей важности углеводородного фактора, стоит также понимать чрезвычайную значимость контроля над торговыми коридорами и транспортными артериями, над проливами и основными портами и пунктами на суше. Известно, что тот, кто доминирует в регионе, способен создавать вызовы безопасности не только на Ближнем и Среднем Востоке, но и Африки, Европы, Индии, а в перспективе, России и Китая.

Помимо этого, все чаще говорят о, так называемом, (гео)цивилизационном факторе, отмечая, что истинный смысл проекта состоит именно в нем. Сторонники данного подхода видят за желанием США «перестроить» мир по своему видению, стремление навязать другим государствам и народам свою цивилизационную модель развития. Отсюда монологичность вместо диалогичности, повышенный западно- (читай, американо-) центризм и пропаганда неолиберальной парадигмы развития [5, с. 6–7].

Даже если исходить из того, что это одна из интерпретаций, об истинности и приоритетности которой в планах США можно дискутировать, очевидно, что американцы задействуют в регионе различный инструментарий для достижения своих национальных интересов и чем ближе к российским границам будет «располагаться» этот «конструктор», тем выше степень вызова безопасности России.

Что касается конструирования самого региона, то оно происходит поэтапно и складывается из переформатирования отдельно взятых государств, входящих в него. Наиболее ярко общие параллели этого процесса можно проследить на примере тех государств Большого Ближнего Востока, чье политико-социальное (и даже, в определенной степени, географическое) устройство в последние годы испытало кардинальные перемены в связи с инициированными из-за океана действиями (в частности Грузии, Ирака, Афганистана):

а) в начале происходит разрушение существующей структуры (прежде всего политической) посредством, в том числе, устранения неудобных режимов, групп и индивидов;

б) далее, к управлению государством привлекаются лояльные Западу (США) режимы (или индивиды) – не всегда, однако, пользующиеся авторитетом и поддержкой широких слоев местного населения, и зачастую не совсем адекватно понимающие ситуацию в своей стране или регионе (как правило, определенное время прожившие на Западе и по разным причинам давно не бывавшие в своей стране). Затем, опираясь на этих «лидеров», под лозунгами демократии, содействия развитию и обеспечения безопасности, приступают к «реанимации» различных разрушенных или поврежденных объектов производственных систем и восстановлению инфраструктуры, привлекая для этого многочисленные неправительственных фонды и организации. Это, в свою очередь, позволяет крепко привязать местные элиты к американским программам помощи, а самим американцам плотно закрепиться в том или ином регионе с долгосрочной перспективой;

в) наконец, имеет место финальная реорганизация площадки до того состояния, в котором она изначально виделась «архитектору». Более того, можно говорить о том, что постепенно происходит её встраивание в общий геополитический ландшафт региона, согласно национальным интересам «архитектора».

Данные шаги по так называемому «перекрытию» данного сегмента выдаются Соединенными Штатами за содействие развитию и укреплению демократии, становлению рыночной инфраструктуры, миротворчество в зоне хронической нестабильности, посреднические миссии, «строительство государств» (*nation-building*) и пр.

Анализируя американскую стратегию по конструированию Большого Ближнего и Среднего Востока, необходимо сказать о той немалой предварительной работе, которую проделали США перед непосредственной имплементацией проекта. Речь идет о размещении военных баз в различных частях региона. Так, после военной операции «Буря в пустыне» Вашингтон получил возможность разместить свои военные базы в Саудовской Аравии (крупнейшая – Дахран) и Кувейте; после военной операции против Югославии в конце 1990-х США закрепились на Балканах; после вторжения в Афганистан в конце 2001 обеспечили себе присутствие и в этой части материка; помимо этого, военные корабли ВМС США находятся в акваториях Средиземного моря, Персидского залива и Индийского океана (арендуемая у Великобритании база на о. Диего-Гарсия). Не исключена возможность размещения американских военных баз в непосредственной близости от российских границ на Кавказе – в частности, в Грузии. Вероятность эта тем более велика в контексте возможной утраты (или, по крайней мере, частичной потери контроля) Соединенными Штатами своей военной базы в Турции (Инджирлик) в связи с недавним принятием Комитетом по внешним отношениям Палаты представителей Конгресса США резолюции, осуждающей геноцид армян, которая получила резкий резонанс в Анкаре [6].

Принимая во внимание данные обстоятельства, очевидно, что США необходимо укрепиться в верхней точке Большого (Великого) Ближнего и Среднего Востока – на Южном Кавказе. Нужно отметить, что в отношениях с государствами Закавказья Вашингтон использует весь инструментарий по двум основным направлениям – напрямую и посредством рычагов НАТО. Наибольшую интенсивность можно отметить на грузинском треке, где Вашингтон пытается максимизировать все преимущества соглашения о сотрудничестве в военной области¹, в то время как Брюссель официально использует формат «интенсивного диалога». Помимо этого, показательным еще является и тот факт, что в 2004 г. Грузия стала страной – рекордсменом по объемам американской военной помощи – на её долю приходится 21 % (\$ 12 млн) всей военной помощи, выделяемой США бывшим республикам СССР. Дополнительно по программе международного военного обучения и военной подготовки Грузия в 2004 г. финансовом году получила \$ 1,3 млн. (8,7 % от суммы, предоставленной бывшим союзным республикам) [8]. Имеет место реконструкция старых советских баз под американские (натовские) военные нужды.

Во взаимоотношениях США с Азербайджаном ключевую роль играют, пожалуй, энергетические проекты – в частности, известные Баку-Тбилиси-Джейхан и Набукко. Очевидно, что проекты эти, задуманные как альтернатива российским маршрутам транзита углеводородов, в большей степени носят геополитический характер, чем коммерческий². Тем не менее, вопросы военного сотрудничества Баку и Вашингтона в последние годы играют все более заметную роль. Помимо чисто финансовых вливаний посредством различных программ и совместных американо-азербайджанских учений на Каспии, между двумя государствами была достигнута договоренность о размещении сил в Азербайджане, при том, что законодательство этой страны запрещает развертывание каких-либо иностранных военных баз на своей территории – возможно, поэтому, пока они имеют статус временно дислоцированных

¹ Данное соглашение открывает невиданные ранее горизонты для двустороннего сотрудничества, а также сотрудничества Грузии с НАТО, поскольку предлагает американским военным беспрецедентные «бонусы» – безвизовый режим, свободное ношение огнестрельного оружия, полный дипломатический иммунитет для американских военнослужащих, освобождение от всех налоговых сборов и таможенных пошлин на вывоз ряда товаров и, что, пожалуй, самое важное, – возможность размещать в Грузии оружие любого вида – что само по себе, значительно нарушает военный баланс сил на Кавказе [7, с. 37–38].

² По мнению В.В. Дегоева, Баку-Тбилиси-Джейхан только увеличил количество экономических и политических рисков регионе. С началом функционирования этого, во многих отношениях уникального, маршрута возникла «совершенно идеальная по своей рентабельности и весьма доступная по своей уязвимости мишень для заказчиков и исполнителей террористических актов» [9, с. 263–264].

военных сил. При этом данные образования будут располагаться на трех бывших военных базах советского периода – Насосная, Гуюллах и, основная – Кюрдамир [10, с. 45].

Очевидно, что в будущем «конструкторе» Большого (Великого) Среднего Востока Соединенные Штаты большую ставку делают на Азербайджан. Так, при участии США на территории этой страны строятся две радиолокационные станции (рядом с Хызы и Астары), предназначенные якобы для слежения за воздушным пространством акватории Каспия [11]. Кроме того, если верить вышеупомянутому проекту Р. Петерса, в грядущей архитектуре Большого Среднего Востока, Вашингтон готов «отдать» Баку населенную азербайджанцами часть северного Ирана – Атрпатакан. Большую значимость американцы придают альянсу Грузии, Азербайджана и Турции, поддерживая их энергетические, транспортные и прочие инициативы. Подписанная в начале 2007 г. «Декларация о едином видении регионального сотрудничества»¹ [12, с. 162] позволяет размышлять о реальной возможности зарождения новой военно-политической оси в Закавказье.

В этой связи важным пунктом внешнеполитической стратегии США остается в целом ориентированная на Москву Армения, с которой, тем не менее, ведется усиленная и последовательная «работа» [13, с. 180–193]. Стремление Соединенных Штатов закрепиться в Черноморско-Каспийской зоне с прицелом на Ближний (Средний) Восток продиктовано рядом обстоятельств, вынуждающих американцев «диверсифицировать» точки опоры вокруг последнего².

Ввиду вышесказанного, можно рассуждать о том, что интересы Соединенных Штатов к Черноморско-Каспийскому региону состоят не только (а в отдельных случаях не столько) в получении коммерческой выгоды от углеводородных проектов и геополитической задаче обеспечения стратегически выгодной позиции, с целью дальнейшей возможности воздействовать на Иран и Россию (через нестабильный, в частности, в вопросах безопасности, регион Северного Кавказа). Немаловажным фактором, определяющим американское внимание к верхней точке Большого (Великого) Ближнего и Среднего Востока, является то, что он может стать одним из опорных пунктов будущего американского базирования. И тот факт, что на сегодняшний день Госдепартамент официально не относит Южный Кавказ к этому массивному сегменту евразийского пространства, еще не означает того, что он не окажется там по прошествии некоторого времени. К тому же прецедент того, как в таком случае поступают американские стратеги, уже имел место – если до 2006 г. Госдепартамент рассматривал бывшие советские центрально-азиатские республики – Казахстан, Туркменистан, Киргизию, Таджикистан и Узбекистан – вкупе с Россией, то в январе 2006 г., во время поездки К. Райс по странам Центральной Азии, бывший Генсек США заявила о «выводе» этих государств из сферы ответственности ранее занимавшегося ей Европейского Бюро Госдепа США и переводе специалистов по этому пространству в региональное бюро по Южной Азии. Данный шаг, по словам Райс, «отражает наше [США] стремление осознать необходимость интеграции этого региона и для нас это будет очень важной целью» [14].

Подобные решения дают основания рассуждать об окончательном оформлении геополитического проекта США по выводу этой территории из зоны российского влияния с переориентацией ее на южное направление. Иными словами, трансформацию ведомственных организационных структур можно рассматривать еще и в качестве индикатора динамики изменения государства к отдельным частям и регионам,

---

¹ Кроме того, стороны подписали еще один важный документ – «Меморандум между Азербайджаном, Грузией и Турцией о взаимопонимании и сотрудничестве в сфере энергетики».

² Положение в регионе никогда не было простым для США. Однако годы республиканского правления усугубили отношения Вашингтона со своими традиционными союзниками на Ближнем Востоке – речь, прежде всего, идет о Саудовской Аравии. Помимо военных кампаний в Ираке и Афганистане, осложняющих проведение заявленного Обамой курса на «сближение с исламским миром», можно отметить так же и негативную, в целом, динамику антиамериканизма в Турции.

где у США есть свои интересы и не исключено, что в случае с Южным Кавказом американцы могут поступить так же.

Библиографический список

1. **Kemp, G.** Strategic Geography and the Changing Middle East / G. Kemp, R. Harkavy. – Brookings Institution Press, 1997. – P. 13.
2. **Peters, R.** Blood Borders. How a Better Middle East Would Look; 2006 г. / R. Peters. – Режим доступа: <http://www.afji.com/2006/06/1833899/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
3. **Павлов, О.** История одного проекта демократизации на Ближнем Востоке / О. Павлов, О. Алексеева // Международная жизнь. – 2007. – № 5. – С. 73–75.
4. **Brzezinski, Z.** The Grand Chessboard. American primacy and Its Geostrategic Imperatives / Z. Brzezinski. – New York: Basic Books, 1997. – P. 70.
5. **Халидов, Д.** Россия и исламский мир / Д. Халидов // Северный Кавказ. – 2005. – № 41 (окт.). – С. 6–7.
6. **США могут потерять опорную военную базу Инджирлик в Турции**; 2010 г. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/1260314.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
7. **Крылов, А. Б.** Непризнанные государства в геополитическом контексте / А. Б. Крылов // Непризнанные государства Южного Кавказа и этнополитические процессы на Юге России / А. Б. Крылов – Ростов-н/Д, 2005. – С. 37–38.
8. **США помогают странам бывшего СССР крепить оборону**; 2004. – Режим доступа: <http://www.washprofile.org/ru/node/916>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
9. **Дегоев, В. В.** Россия, Кавказ и постсоветский мир: прощание с иллюзиями / В. В. Дегоев. – М., 2006. – С. 263–264.
10. **Панин, В. Н.** Влияние геополитических факторов на современное состояние этнополитической ситуации на Кавказе / В.Н. Панин // Конфликтология. – 2006. – № 1. – С. 45.
11. Подробнее об этом **Юнусов, А.** Габалинский ребус / А. Юнусов // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – 2007. – № 73 (май-июнь).
12. **Рябцев, В. Н.** Современный иранский кризис как объект геополитического анализа: региональный и глобальный контекст / В. Н. Рябцев. – Ростов-н/Д : Изд. ЮНЦ РАН, 2008. – С. 162.
13. Подробнее об этом **Сучков, М. А.** Нагорный Карабах в «большой стратегии» США на Кавказе / М. А. Сучков // Майендорфская декларация 2 ноября 2008 года и реакция на ее принятие : сб. статей // Сост. В. А. Захаров, А. Г. Аршев / отв. ред. А. А. Орлов, В. Н. Панин. М. : НП ИД «Русская панорама», 2009. – С. 180–193.
14. **Верхотуров, Д.** Американцы воссоединили Азию; 2006 г. / Д. Верхотуров. – Режим доступа: <http://www.usinfo.state.gov/russian/Archive/2006/Jan?09-139762.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

ТЮРКСКИЙ ФАКТОР В ПРОЦЕССЕ ИНТЕГРАЦИИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Г.З. Рахимуллина
(Россия, г. Казань)

Стремительно растущие в последнее время связи на различных уровнях (взаимные визиты, саммиты тюркоязычных государств, двусторонние контакты) позволяют вновь говорить о повышении влияния и значимости Турции в центрально-азиатском макрорегионе. В настоящее время в мире этносы, входящие в состав различных государств, стремятся к воссоединению и созданию собственного однородного национального образования, на единой территории, за счет других этносов, проживающих на данной территории. Из этого следует, что необходимо искать какие-то новые пути интеграции народов на этнической почве, минуя опасное поле перекраивания исторически данных государственных границ.

Ties between Turkey and Central Asian states have been speedily growing in the recent time at various levels from summits of the Turkish language states to bilateral contacts and mutual visits. This makes it possible to speak about a resumed rise of Turkey's influence in the Central Asian macro-region. At present ethnic groups, belonging to different